

Цяо Юаньлинь заторможенно моргнул и невольно сказал:

— Не задерживайте начало церемонии.

Хэ Цзе попыталась сгладить ситуацию:

— Лао Цяо, пусть дети сначала сядут.

Все взгляды были прикованы к ним. Цяо Юаньлинь и Лян Чэн подошли к отдельно зарезервированному для них столику и, проявляя благоразумие, сели рядом. Букет незабудок разделял их, стоя посередине стола.

Лян Чэн положил руку на край вращающегося подноса. На его тонких, узловатых пальцах не было никаких украшений, пахло от них лишь легким дезинфицирующим средством для рук. Он слегка повернул поднос и спросил:

— Будешь сок или чай?

Цяо Юаньлинь разжал пальцы, которыми под столом сжимал свои колени, и взял чайник. Помня о правиле наливать чай лишь наполовину, он сначала налил полчашки Лян Чэну, а затем столько же себе.

Лян Чэн хотел пить и осушил чашку одним глотком.

Цяо Юаньлинь просто прижимал чашку к губам, прихлебывая чай, пока не принесли все блюда. Затем он вытер руки и принялся чистить креветок, колоть крабов, обглаживать запеченные говяжьи ребрышки и съел добрую половину тарелки моллюсков под острым соусом.

Лян Чэн держал пиалу с жареным рисом с яйцом, обедая так просто, словно сидел в обычной столовой. Стоило ему протянуть палочки к какому-нибудь блюду, как Цяо Юаньлинь тут же прокручивал стол в другую сторону.

Повторив это несколько раз и так и не сумев дотянуться до нужного блюда, он заговорил тоном Цяо Вэньюаня:

— Тебе уже почти двадцать пять лет, научись обращать внимание на окружающих.

Цяо Юаньлинь ответил:

— Оно кислое, ты такое не любишь.

Лян Чэн сказал:

— А я помню, что ты любишь абсолютно всё.

На сцене жених и невеста произносили торжественную речь, то и дело прерываемую волнами аплодисментов. Цяо Юаньлинь некоторое время смотрел в их сторону, повернув голову, а затем спросил:

— Тетя Хэ действительно твоя мама?

Лян Чэн ответил:

— Да.

Цяо Юаньлинь спросил:

— А ты знал, что Цяо Вэньюань — мой отец?

Лян Чэн сказал:

— Теперь знаю.

Цяо Юаньлинь впервые подумал, как же тесен мир. Раньше ему казалось, что мир огромен, да и Пинхай слишком велик, чтобы разыскать кого-то. В этом можно было полагаться лишь на удачу и судьбу.

Те, кому улыбнулась удача и кому суждено было быть вместе, сейчас стояли на сцене в полной гармонии.

Он хлопал вместе со всеми, наблюдая за праздничным весельем.

Краем глаза Лян Чэн видел профиль Цяо Юаньлиня: тонкие изгибы бровей и уголков глаз, узкая высокая переносица — лицо умного человека, однако округлая капелька верхней губы придавала ему невинный вид.

В горле, едва смоченном некрепким чаем, снова пересохло. Лян Чэн налил себе вторую чашку и взглянул на часы — оказывается, прошло всего полчаса.

Цяо Юаньлинь уже наелся и сказал:

— Приятного аппетита. Я, пожалуй, пойду, нужно возвращаться на работу.

Лян Чэн не стал его задерживать, лишь спросил:

— Тебя подвезти?

— Не надо, такси поймать легко, — ответил Цяо Юаньлинь. И тут же добавил: — Кстати, ты все еще едешь на мотоцикле?

Лян Чэн покачал головой. В памяти всплыли далекие воспоминания: тогда Цяо Юаньлинь был совсем подростком и постоянно напрашивался покататься с ним.

Он вдруг спросил:

— Сколько мы не виделись?

Цяо Юаньлинь на секунду замолчал, а затем ответил:

— Да нормально, всего восемь лет.

Лян Чэн спросил:

— То есть восемь лет для тебя — это мало?

Цяо Юаньлинь посмотрел на него:

— Перед уходом ты сказал, что больше никогда не вернешься в Пинхай. По сравнению с целой

жизнью восемь лет — это так, время одного обеда.

Пока вокруг царило шумное веселье, Цяо Юаньлинь незаметно выскользнул из банкетного зала. Не желая ждать лифта, он толкнул дверь на пожарную лестницу.

Спустившись на пару ступеней, он остановился, опершись о перила.

Он подумал: «В мире столько людей. Почему же Цяо Вэньюань женился именно на матери Лян Чэна?»

Отправив в рот последнюю рисинку, Лян Чэн отложил палочки. Бархатное сиденье соседнего стула расправилось, не оставив и следа от того, что на нем кто-то сидел.

Одиночество его нисколько не смущало, ему просто стало скучно. Он протянул руку и принялся вертеть оставленную Цяо Юаньлинем веточку незабудки.

Из лепестков выпала маленькая карточка с цитатой о значении этого цветка, чье авторство уже никто бы не подтвердил: «Пожалуйста, помни обо мне, пожалуйста, скучай по мне, пожалуйста, жди моего возвращения, и я подарю тебе счастье».

Лян Чэн повернул голову. Огромный банкетный зал был заполнен едва ли наполовину, в пустующей же его части свет не горел, и ее заливали лучи солнца, проникавшие сквозь панорамные окна.

Он встал из-за стола. Его высокий рост сразу привлек внимание, и гости принялись с любопытством разглядывать новоиспеченного сына со стороны невесты.

Лян Чэн прошел мимо десятка столов и толпы гостей в пустую часть зала и подошел вплотную к окну, вглядываясь вниз.

Снаружи плавился от летнего зноя Пинхай. Под палящим солнцем прямо на улице у дверей отеля стоял Цяо Юаньлинь, макушка которого сияла в мягком ореоле света.

Все это казалось нереальным, словно старый размытый снимок.

Цяо Юаньлинь махнул рукой, останавливая такси, и сел на заднее сиденье. Ему следовало ехать на телестанцию, но вместо этого он произнес:

— Шеф, мне на... улицу Чанлинь.

Зелень на улице Чанлинь разрослась так густо, что не пропускала ни единого дуновения ветра, пряча за собой жилые дома. Такси свернуло за угол и сбросило скорость. Водитель взгляделся в обочину и спросил:

— Где именно притормозить?

Цяо Юаньлинь опустил голову, сканируя QR-код для оплаты, и ответил:

— Да вот тут, впереди, у переулка Ваньпин.

Это был старый район. Дома здесь на языке риелторов звались «старыми, обшарпанными и тесными», а уж жилье в самом переулке и вовсе не пользовалось спросом: сдать задорого не получалось, да и покупать никто не стремился. И все же старожилы ни за что не соглашались отсюда съезжать. Район утопал в зелени, рядом было много парков и рынок под боком —

идеальное место, чтобы спокойно встретить старость.

Выйдя на углу переулка, Цяо Юаньлинь закинул рюкзак на плечо. С наступлением лета температура резко подскочила, и некоторые парни уже вовсю щеголяли в футболках, но он с детства плохо переносил холод, поэтому по-прежнему ходил в плотном худи с длинными рукавами.

Метрах в тридцати-сорока от начала переулка стоял небольшой, давно не беленный дом. На первом этаже висела вывеска «бутик ципао Жуйчжи», а изнутри доносилась песня Терезы Тенг «У кромки воды».

Вся комната была заставлена яркими и скромными платьями ципао. В углу высился просторный раскройный стол, а за швейной машинкой сидела пожилая женщина — хозяйка лавки, Ван Жуйчжи.

Цяо Юаньлинь толкнул дверь и вошел:

— Бабушка!

Ван Жуйчжи поправила очки в серебряной оправе, отложила работу и ласково произнесла:

— Внучок мой, пришел? Иди скорее сюда.

Цяо Юаньлинь подошел к столу. Ван Жуйчжи обняла его, внимательно разглядывая, и запричитала, что с их последней встречи он сильно вытянулся, похудел, да и подстричься ему не мешало бы — волосы уже закрывали уши.

Обычно Цяо Юаньлинь сразу начинал хвастаться тем, насколько вырос, но сегодня он промолчал.

Ван Жуйчжи все поняла без слов:

— Твои родители закончили с разводом?

Цяо Юаньлинь кивнул.

Ван Жуйчжи спросила:

— Когда они все оформили?

Цяо Юаньлинь тихо ответил:

— На прошлой неделе.

Ван Жуйчжи погладила его по спине и спросила:

— И с кем тебя оставили?

Цяо Юаньлинь ответил:

— С отцом.

Как бы ни было больно пожилой женщине, ей оставалось лишь утешать его:

— У твоей матери всегда был твердый характер, я не могу на нее повлиять. Если не хочешь возвращаться домой, оставайся у меня.

Цяо Юаньлинь сказал:

— Тогда я больше не уйду отсюда.

Ван Жуйчжи улыбнулась:

— А отец-то знает, что ты у меня?

Небольшая капелька на верхней губе Цяо Юаньлиня была нежно-розовой, из-за чего его рот казался слегка приоткрытым, даже когда он не дулся. Это, вкупе с огромными глазами, выдавало в нем шестнадцатилетнего подростка, как бы он ни пытался хмуриться.

Смотря на него, Ван Жуйчжи одновременно радовалась и сопереживала ему:

— Ладно, я сама ему позвоню, не забивай себе голову.

Из радиоприемника доносился голос Терезы Тенг, певшей: «Увы, впереди опасные отмели, а путь далек и долог». Цяо Юаньлиня это только раздражало, поэтому он с щелчком выключил радио.

— Бабушка, я пойду наверх, — сказал он.

Ван Жуйчжи крикнула ему вслед:

— Ты пришел с одним только рюкзаком? А вещи где?

Кухня, небольшая кладовка и спальня Ван Жуйчжи располагались на первом этаже, отделенные от торгового зала лишь занавеской. Цяо Юаньлинь отодвинул ее и, поднимаясь по деревянной лестнице, ответил:

— Зачем тащить тяжести? Я отправил их курьерской доставкой по городу, приедут после обеда.

Ван Жуйчжи никак не могла взять в толк: оба родителя крутились как заведенные, так в кого же этот мальчишка уродился таким ленивым?

На втором этаже были всего две спальни и ванная комната. Из-за плотной учебы Цяо Юаньлинь не приезжал сюда больше полугода. Раньше, когда он гостил у бабушки, всегда останавливался в просторной комнате на солнечной стороне.

Войдя внутрь, он по привычке взглянул на висевшую на стене картину тушью, написанную его дедушкой.

Пожилые люди спят чутко, а дедушка Цяо Юаньлиня сильно храпел, поэтому при жизни спал один в этой спальне. Вся мебель здесь осталась прежней, углы шкафов и столов со временем облупились.

Рядом с кроватью стоял письменный стол. Цяо Юаньлинь положил рюкзак на стул и заметил настольный календарь.

Сегодняшняя дата была перечеркнута жирным красным крестом.

Юноша насторожился. Он провел пальцем по столу — чистота была идеальной, чище, чем лицо Цяо Вэньюаня. Постель была аккуратно заправлена, рядом с настольной лампой лежал футляр для очков, а на подоконнике стоял пышный кактус.

Он вышел в коридор и, перегнувшись через перила, крикнул вниз:

— Бабушка! Почему кажется, что в этой спальне кто-то живет?

Стук швейной машинки затих, и Ван Жуйчжи отозвалась:

— Ой, совсем забыла тебе сказать! Солнечную спальню я сдала два месяца назад.

Это известие прозвучало как гром среди ясного неба. Цяо Юаньлинь думал, что отыскал тихую гавань, а она оказалась съемным жильем.

Он заглянул в маленькую спальню напротив, выходящую на теневую сторону: сырая, темная, к тому же еще не прибранная — разительный контраст с его прежней комнатой.

Цяо Юаньлинь снова вышел в коридор и спросил:

— Бабушка, а мне-то что делать?

Ван Жуйчжи ответила:

— Я договорилась с жильцом. Пока мы не приведем маленькую спальню в порядок, вам придется немного потесниться и пожить вместе.

<http://bllate.org/book/18284/1753006>